

стоятельствах, даже в разном порядке осваивают институциональные характеристики модернизации. Ни "технического", ни "экономического" детерминизма в глобальном масштабе не существует, поскольку инструментальные и консуматорные (конечные, потребляемые) блага оказываются доступными на разных уровнях развития, скажем, ракетно-ядерное вооружение в Китае или экономические блага и банковская система в Саудовской Аравии и т.д.

Разумеется, это возможно только потому, что никакие пути трансформаций, как бы своеобразны они ни были, не могут быть обособленными друг от друга. Как раз на их пересечении возникают самые острые проблемы современности вплоть до воображаемой "войны миров". Повидимому, в этом котле и оформились те заряды напряженности, претензий, ненависти, которые вырвались наружу 11 сентября. Кто бы ни были исполнители или организаторы террористической акции, за их спинами не просто зависть и ненависть "бедных", обращенная против "богатых", а скорее претензии "новопришедших" к "уже устроившимся", облаченные в полевую форму религиозного фанатизма.

В известной книге С. Хантингтона неоднократно повторяется тезис о двух типах модернизации — "западной" и "незападной"* . Нынешнее "Исламское Восстание" (Resurgence), по мнению автора, означает "принятие модерности, отрицание западной культуры и новое обращение к исламу как руководству к жизни"***. Тезис представляется плодотворным, это, видимо, наиболее интересная позиция в книге, хотя дихотомия "Запад—Незапад" слишком упрощает проблему. В нее не укладываются ни "тоталитарная" модернизация в советском, китайском, германском, итальянском и других вариантах, ни разнообразие "исламской" модернизации, например, в Иране, эмиратах, Магрибе и т.д. Представление о различных типах модернизации нуждается в обстоятельной разработке.

Различные страны и сообщества могут приобщаться к современной цивилизационной модели в принципе потому, что эта модель универсальна, точнее, может служить универсальной "шапкой" для разных типов общества. Это не особая цивилизация, типологически сопоставимая с рядом других, а "суперцивилизация", накладывающая свои институты на разные основы и варианты. На первых порах и до сего времени она выглядит не как единство, а лишь как взаимосвязь различных социальных структур (как бы "интерцивилизация").

В конце XIX — начале XX вв. весьма острой была проблема инкорпорации в европейско-американское общество рабочих. Существовали опасения (или надежды) относительно того, что этот слой, на лидерство в котором претендовали революционные террористы — анархисты и другие крайне левые, может взорвать общество.

На протяжении столетия эта проблема была решена. Сто лет спустя еще большую остроту приобрела проблема эффективной инкорпорации в общество (в мировом масштабе, т.е. в сообщество развитых цивилизованных стран) бывшего "третьего мира". Возможно, для ее успешного решения, если считать его возможным, потребуются более одного столетия. С проявлениями этой проблемы, как представляется, столкнулся мир 11 сентября 2001 г.

* "Модернизация не обязательно означает вестернизацию... Модернизация укрепляет (незападные) культуры и уменьшает относительную мощь Запада. В принципе мир становится более современным и менее западным" (Huntington S.P. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. N.Y., 1997. P. 78).

** Ibid. P. 109-110.

Екатерина ЛЕВИНТОВА

Политический дискурс в контексте общественного мнения в постсоветской России (1992–2001 гг.)*

1. Постановка вопроса и задачи исследования.

В предыдущей статье автора** описывались тенденции в развитии дискурса интеллектуальной элиты с 1992 по 2001 г. Эволюция дискурса элиты шла в сторону авторитаризма, идеологического консерватизма, умеренно антизападнических и националистических ориентации. Если в начале постсоветского периода для интеллектуальной элиты "идеалом" политико-экономического устройства было демократическое государство с либеральной идеологией и свободно-рыночной моделью экономики, находящееся в дружеских отношениях как с Западом, так и с Востоком и строящее свою национальную политику на идеях национального и этнического равенства и терпимости, то нынешним "идеалом" для нее является авторитарное государство с государственнической идеологией, стремящееся к многополярности мирового порядка, строящее свою национальную политику на националистических идеях, но со свободно-рыночной экономикой.

Чем же вызваны столь серьезные изменения в риторике элиты? В конце предыдущей статьи ставилась новая исследовательская задача — выявить, насколько переменны в дискурсе элиты соответствуют изменениям в общественном мнении в постсоветский период. Иными словами, для автора было важно узнать, чьими интересами руководствуется интеллектуальная элита при создании своего дискурса — строится ли ее риторика на клановых интересах или она отражает мнение большинства населения. При такой постановке вопроса могут быть выявлены как пределы (конкретные области и обстоятельства) влияния общественного мнения на элиты, так и возможности элит манипулировать общественным мнением, насаждая ему собственные ценности.

В данной статье ставятся следующие задачи: 1) описать и сравнить тенденции в эволюции общественного мнения и дискурса интеллектуальной элиты; 2) выявить возможную причинно-следственную связь между общественным мнением и дискурсом интеллектуальной элиты или, по меньшей мере, показать, движутся ли общественное мнение и дискурс интеллектуальной элиты в одном и том же направлении; 3) определить области и обстоятельства, в которых общественное мнение способно воздействовать на дискурс интеллектуальной элиты, и наоборот.

* Данное исследование проводилось при частичной поддержке Программы обмена региональными исследователями, финансируемой Бюро образовательных и культурных программ Государственного Департамента США на основании Акта Фулбрайт-Хейз (Fulbright-Hays Act of 1961 as amended) и проводимой Американским Советом по международному образованию (ACTR/ACCELS), а также при частичной финансовой поддержке Американского Совета по международным исследованиям и обменов АЙРЕКС (IREX), распоряжающегося средствами, выделенными Национальным гуманитарным фондом (National Endowment for the Humanities), Государственным Департаментом США (US Department of State, Title VIII Program) и Фондом поддержки ученых АЙРЕКС (IREX Scholar Support Fund). Ни одна из упомянутых организаций не несет ответственности за отраженные в статье взгляды. Автор благодарит профессоров Л.Д.Гудкова и Б.В.Дубина (Отдел социально-политических исследований ВЦИОМ) за высказанные замечания и дополнения.

** Политический дискурс в постсоветской России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 16-26.

2. Подход к рассмотрению проблемы. Литература о демократизации. В данной работе ставится вопрос: при каких обстоятельствах элита может манипулировать общественным мнением? Лейтмотивом всего огромного массива литературы, посвященной процессам демократизации и демократической консолидации^{1*}, является необходимость изучения конкретных социальных и политических институтов, лимитирующих действия и выбор элиты. К числу таких ограничителей относятся гражданское общество, политические партии, организованные экономические интересы, формальные демократические правила (например, система сдержек и противовесов, конституционализм, верховенство закона, независимая судебная власть, гражданский контроль за репрессивным государственным аппаратом, включая армию, милицию, спецслужбы), а также такие социальные институты, как традиции и культурные нормы отдельных социальных общностей. К числу факторов, способных ограничить действия элиты, безусловно, можно отнести и институт общественного мнения. В этой работе предстоит выяснить в чем заключается это влияние.

В научной литературе по процессам демократизации нет единого мнения о том, в состоянии ли демократия существовать в любых условиях или для нее необходимы специфические, конкретные экономические, культурные и социальные условия.

Сторонники первой позиции утверждают, что институциональный дизайн может преодолеть любые, даже самые неблагоприятные, условия при правильном выборе демократических институтов^{2*}. Часто они приводят примеры Южной Европы (Испания, Португалия, Греция) или Южной Кореи, долгое время считавшихся неподходящими для построения демократических обществ ввиду их исторических и культурных особенностей. Литература по институциональному дизайну свидетельствует о принципиальной возможности изменения "недемократичного" общественного мнения при удачных действиях элиты.

^{1*} См., например: *O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Transitions.* Baltimore (MA), 1991; *Valenzuela S. Democratic Consolidation in Post-Transitional Settings: Notions, Processes and Facilitating Conditions // Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective / Ed. S.Mainwaring, G.O'Donnell, S.Valenzuela. Notre Dame (IN), 1992; Bermeo N. Democracy and the Lessons of Dictatorship // Comparative Politics. 1992. Vol. 24. N 3. P. 273-292; Buchanan P. State, Labor, Capital: Democratic Class Relations in the Southern Cone. Pittsburgh (PA), 1995; Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America / Ed. S.Mainwaring, T.Scully. Stanford (CA), 1995; Constructing Democracy: Human Rights, Citizenship and Society in Latin America / Ed. E.Jelin, E.Hershberg. Boulder (CO), 1996; Lijphart A., Waisman K. Institutional Design in New Democracies. Boulder (CO), 1996; Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transitions and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore (MA), 1996; Elster J., et al. Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea. Cambridge (MA), 1998; Encarnacion O. Beyond Transitions: The Politics of Democratic Consolidation // Comparative Politics. 2000. Vol. 32. N 4. P. 479-497 и др.*

^{2*} *Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. N 3. P. 337-363; Di Palma G. To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions. Berkeley (CA), 1990; Karl T. Dilemmas of Democratization in Latin America // Comparative Politics. 1990. Vol. 23. N 1. P. 1-20; Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge (MA), 1991; O'Donnell G., Schmitter P. Op. cit.; Crawford B., Lijphart A. Explaining Political and Economic Change in Post-Communist Eastern Europe: Old Legacies, New Institutions, Hegemonic Norms, and International Pressures // Comparative Political Studies. 1995. Vol. 28. N 2. P. 171-200; Lijphart A., Waisman K. Op. cit.; Linz J., Stepan A. Op. cit. и др.*

Вторая группа авторов^{1*}, напротив, считает, что контекстуальные условия существования демократии являются детерминирующими для ее выживания и, как бы ни хороши были вновь создаваемые демократические институты, они обречены, если у демократии нет конкретной "питательной" среды. Такой средой могут быть либо определенный уровень экономического развития (С.Липсет), либо наличие среднего класса (Р.Бендикс и С.Липсет), либо подходящая политическая культура (Дж.Алмонд и Дж.Колман, Дж.Алмонд и С.Верба, С.Хантингтон), либо своеобразная последовательность процесса демократизации (Р.Даль), либо существование особых демократических неформальных связей и гражданского общества (Р.Патнам). С этой точки зрения общественное мнение — важный фактор, влияющий на устойчивость демократического развития. Очевидно, что "недемократичное" общественное мнение может стать серьезной помехой в построении и дальнейшем развитии демократии.

В данной работе предпринята попытка определить, насколько российское общественное мнение благоприятно для развития демократии и может ли она опираться только на демократические ценности российской элиты.

Основополагающим постулатом практически всех исследований общественного мнения является манипулируемость этого социального института. Еще У.Липман заметил, что общественное мнение оперирует стереотипами^{2*}. Классическим исследованием по вопросам общественного мнения остается и труд П.Конверса, доказавшего, что лишь небольшая часть населения, так называемые идеологи, обладает четко сформулированным мнением^{3*}. Позиции "идеологов" четко оформлены, аргументированы и достаточно постоянны. Для большинства же населения лишь экономические вопросы способны вызвать развернутые и обоснованные ответы. Работы Дж.Алмонда, Й.Шумпетера, Дж.Кенана и Г.Моргентау лишь подтверждают непостоянство и иррациональность общественного мнения^{4*}. Ю.Левада так же отмечает упро-

^{1*} *Almond G., Coleman J. The Politics of the Developing Areas.* Princeton (NJ), 1960; *Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes in Five Nations.* Princeton (NJ), 1963; *Bendix R., Lipset S. Class, Status, and Power: Social Stratification in Comparative Perspective.* L., 1966; *Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition.* New Haven (NJ), 1971; *Huntington S. The Third Wave: Democracy in the Late Twentieth Century.* Norman (OK), 1991; *Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy.* Princeton (NJ), 1993; *Lipset S. The Social Requisites of Democracy Revisited // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. N 1. P. 1-22; Elster J., et al. Op. cit.*

^{2*} *Lippmann W. Public Opinion.* N.Y., 1922.

^{3*} *Converse P. E. The Nature of Belief Systems in Mass Public // Ideology and Discontent / Ed. D.Apter. N.Y., 1964.*

^{4*} *Almond G. The American People and Foreign Policy.* N.Y., 1950; *Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy.* N.Y., 1950; *Kennan G.F. American Diplomacy, 1900-1950.* N.Y., 1951; *Morgenthau H.J. Politics among Nations.* N.Y., 1978. Но существует и ревизионистская школа, ставящая под сомнение принципиальные различия между элитой и обществом. Согласно этому направлению, общественное мнение рационально и стабильно. См., например: *Casparly W. The Mood Theory: The Study of Public Opinion and Foreign Policy // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. June. P. 536-547; Holsti O., Rosenau J.N. American Leadership in World Affairs.* Boston (MA), 1984; *Hurwitz J., Peffley M. How are Foreign Policy Attitudes Structured? A Hierarchical Model // American Political Science Review. 1987. Vol. 81. P. 1099-1120; Shapiro R.Y., Page B.I. Foreign Policy and Rational Public // Journal of Conflict Resolution. 1988. Vol. 32. N 3. June. P. 211-247; Russett B.M. Controlling the Sword: Democratic Governance of National Security. Cambridge (MA), 1990; *Wittkopf E.R. Faces of Internationalism: Public Opinion and American Foreign Policy.* Durham (NC), 1990; *Page B.I., Shapiro R.Y. The Rational Public: Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences.* Chicago (IL), 1992; *Holsti O. Public Opinion and American Foreign Policy.* Ann Arbor (MI), 1996.*

шенность и стандартность общественного мнения^{1*}. В таких условиях стабильность и благосостояние любого, даже демократического общества напрямую зависит от умения элиты направлять общественное мнение в нужное русло. Однако влияние элиты на "массы" не бесспорно. Еще классик социологии М.Вебер установил, что политические идеи элиты могут быть воплощены, только если они будут в какой-то степени отвечать массовым интересам^{2*}.

Литература о взаимосвязи между общественным мнением и риторикой и действиями элиты. Гипотезы о способности элиты проецировать свои ценности на общественное мнение хорошо известны. Но интересен и встречный вопрос: а может ли общественное мнение влиять на элиту? В американской литературе на протяжении последних 30 лет обсуждается вопрос взаимосвязи между общественным мнением и официальной политикой. Эта проблема имеет основополагающее значение для американских политологов, так как она отражает фундаментальные принципы современной демократической теории. Несмотря на остроту и важность исследовательской задачи, ученые до сих пор не пришли к единому мнению о роли общественного мнения в формировании политического курса США.

Первоначально анализ взаимозависимости между общественным мнением и риторикой и действиями элиты ограничивался лишь их простым сравнением. Многочисленные исследователи приводили диаметрально противоположные, и зачастую неутешительные, данные. Р.Джервис, а также С.Кулл и И.Дестлер^{3*} обнаружили, что элита строит свою политику на искаженных представлениях об общественном мнении. У.Миллер и А.Стокс, Б.Коэн и Р.Собель^{4*} вообще вынуждены были признать отсутствие какого-либо влияния общественного мнения на действия элиты. Исследования В.О.Кея, Б.Пейджа и Р.Шапира, Б.Накос с соавторами и Р.Бизли с соавторами, наоборот, показали, что при определенных обстоятельствах элита прислушивается к общественному мнению^{5*}.

В данный момент большинство американских ученых придерживается мнения, что влияние общественного мнения на элиту не является постоянным, а подвержено колебаниям. Систематический исторический анализ подтверждает правоту как исследователей, настаивающих на неза-

висимости элиты, так и авторов, прослеживающих влияние общественного мнения на политические решения^{1*}.

Большинство авторов, анализируя природу этой взаимосвязи, признают невозможность однозначных выводов и лишь отмечают, что общественное мнение и политические решения элиты движутся в одном и том же направлении. Например, Дж.Заллер утверждает, что "точное соотношение обстоятельств, в которых элита является ведущей или ведомой по отношению к общественному мнению, зависит от конкретного случая и от конкретного представителя элиты"^{2*}. Б.Пейдж и Р.Шапира приходят к выводу, что они не могут выявить причинно-следственной связи, но наблюдают, что общественное мнение США и политика американской элиты развиваются в одном направлении^{3*}. Недавно опубликованные работы Б.Накос с соавторами, Р.Бизли с соавторами, Д.Фойля и Р.Собеля ставят те же исследовательские проблемы, но не содержат однозначных ответов^{4*}. Приходится признать, что, несмотря на новые публикации, утверждение О.Холсти о недостаточной изученности взаимосвязи между общественным мнением и окончательными политическими действиями элиты^{5*} сохраняет свою актуальность и по сей день.

Работы А.Миллера и Т.Клобучара, рассматривающих влияние российского национального самосознания на политические процессы и поведение элиты, Е.Шираева и В.Зубка, прослеживающих влияние антизападных настроений в общественном мнении на внешнеполитический курс России в 1999 г., и П.Д'Аниери, анализирующего общественное мнение как одну из детерминант российской внешней политики, — едва ли не единственные попытки проверить американские гипотезы на российском материале^{6*}. Основываясь на результатах опросов общественного мнения, авторы приходят к выводу, что российская политическая элита вынуждена считаться с новыми приоритетами общественного мнения и приспосабливать свои действия под них.

3. Методология и понятийный аппарат. Объектами исследования являются как дискурс интеллектуальной элиты, так и общественное мнение. Для данной работы важно определение "либерального" и "консервативного" дискурсов интеллектуальной элиты и соответствующих им комплексов в общественном мнении. "Либеральное" направление как в дискурсе, так и в общественном мнении складывается из поддержки демократии, либеральной идеологии, свободно-рыночной экономики, прозападной внешней политики и толерантной модели национальных отношений. "Консервативное" направление дискурса и об-

1* Левада Ю.А. Комплексы общественного мнения // Левада Ю.А. От мнения к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

2* См., например: Weber M. Max Weber on Charisma and Institution Building: Selected Papers. Chicago (IL), 1968; *Idem*. Wirtshaft und Gesellschaft: Basic Concepts in Sociology. N.Y., 1969; Weber M. Bureaucracy // From Max Weber: Essays in Sociology. N.Y., 1990; *Idem*. Selections: Political Writings. N.Y., 1994.

3* Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton (NJ), 1976; Kull S., Destler I.M. Misreading the Public: The Myth of a New Isolationism. Wash. (DC), 1999.

4* Miller W.W., Stokes D.E. Constituency Influence on Congress // American Political Science Review. 1963. Vol. 57. Mar. P. 45-56; Cohen B.C. The Public's Impact on Foreign Policy. Boston (MA), 1973; Sobel R. To Intervene or Not to Intervene in Bosnia: That Was the Question for the United States and Europe // Decision-Making in Glass House: Mass Media, Public Opinion, and American and European Foreign Policy in the 21st Century / Ed. B.Nacos, et al. Lanham (MD), 2000.

5* Key V. O. Public Opinion and American Democracy. N.Y., 1961; Page B.I., Shapiro R.Y. Effects of Public Opinion on Policy // The American Political Science Review. 1983. Vol. 77. P. 175-190; Decision-Making in a Glass House: Mass Media, Public Opinion and American and European Foreign Policy in the 21st Century; Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Ed. R.Beasley, et al. CQ Press, 2001.

1* Foyle D. Counting the Public // Presidents, Public Opinion, and Foreign Policy. N.Y., 1999; Sobel R. The Impact of Public Opinion on US Foreign Policy Since Vietnam: Constraining the Colossus. N.Y., 2001.

2* Zaller J. Elite Leadership of Mass Opinion // Taken by Storm: The Media, Public Opinion, and US Foreign Policy in the Gulf War / Ed. W.Bannett, D.Paletz. Chicago (IL), 1994. P. 203.

3* Page B.I., Shapiro R.Y. Op. cit.

4* Nacos B., et al. Op. cit.; Beasley R., et al. Op. cit.; Foyle D. Op. cit.; Sobel R. Op. cit., 2001.

5* Holsti O. Op. cit. P. 196.

6* Miller A., Klobucar T. A New Russian National Identity, or Just Nostalgia for the Past? Доклад на международной научной конференции политологов Среднего Запада, Чикаго, Иллинойс. Апрель 2001 г.; Shiraev E., Zubok V. Public Opinion and Decision-Making in Russia: The Impact of NATO Expansion and Air Strikes on Serbia // Decision-Making in a Glass House: Mass Media, Public Opinion and American and European Foreign Policy in the 21st Century; D'Anieri P. Russian Foreign Policy: Continuity, Revolution and the Search for Status // Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior.

ественного мнения заключается в поддержке более авторитарных политических институтов, государственнической (консервативной) идеологии, самостоятельной или антизападной внешней политики и националистической модели национальных отношений.

3.1. Метод изучения эволюции дискурса интеллектуальной элиты. Под *"интеллектуальной элитой"* подразумевается социологическая категория, включающая: а) официально действующих интеллектуалов-политиков, находящихся или находившихся непосредственно у власти (например, Е.Гайдар, Е.Ясин, А.Шохин, А.Кудрин и др.); б) официальных советников, экспертов, консультантов, идеологов, находящихся при политической элите, но не входящих в нее непосредственно (например, С.Васильев, Г.Павловский, С.Кордонский, Л.Смирнягин, А.Салмин и др.). Эти две подгруппы, по моему мнению, являются наиболее ярко выраженными коммуникаторами официального дискурса. В окончательный список коммуникаторов официального дискурса входят 26 человек: Е.Гайдар, С.Шахрай, Г.Сатаров, А.Салмин, С.Каспэ, А.Илларионов, В.Мау, В.Никонов, С.Караганов, А.Кара-Мурза, Е.Ясин, А.Шохин, А.Чубайс, А.Улюкаев, Г.Бурбулис, А.Собчак, М.Краснов, А.Лившиц, С.Васильев, Г.Павловский, С.Кордонский, С.Чернышов, А.Панарин, А.Дугин, И.Бунин, В.Цымбурский. Их опубликованные работы и являются материалом для первой стадии данного исследования. Всего мной проанализирована 251 публикация.

Разумеется, дискурс элиты и общественное мнение организованы по разным принципам. Дискурс элиты представляет собой развернутые и четкие высказывания коммуникатора, сделанные для определенной аудитории. Он характеризуется концептуальной чистотой и стабильным употреблением различных политических, экономических, внешнеполитических и этнополитических понятий. Дискурс — это активное выражение ценностных позиций, ориентации, оценок и взглядов его носителя. Он может быть изучен методом контент-анализа, который заключается в вычленении из массива информации (содержания публичных высказываний коммуникатора) конкретных текстовых индикаторов, являющихся элементами определенных категорий.

Тем не менее может возникнуть вопрос — нельзя ли изучать мнение элиты с помощью опросов, а не с помощью контент-анализа высказываний ее отдельных представителей? Однако в ходе подобных опросов элита начинает вести себя как "массовый" респондент, и в результате теряется та концептуальная чистота, которая так важна для исследователя. Контент-анализ публичных высказываний интеллектуальной элиты, таким образом, является наиболее действенным исследовательским методом.

При контент-анализе публичных высказываний интеллектуальной элиты использовалась бинарная дихотомическая система, состоящая из десяти категорий: *демократия—авторитаризм* (политическая дихотомия); *либерализм—консерватизм/государственность* (идеологическая дихотомия); *свободный рынок—регулируемый рынок* (экономическая дихотомия); *прозападная внешняя политика—независимая/антизападная внешняя политика* (внешнеполитическая дихотомия); *этническая толерантность—национализм* (дихотомия национальных отношений). Данные категории контент-анализа опираются на понятия, широко используемые в социологии, политологии и политэкономии.

Каждая из рассматриваемых категорий объективно выражается определенным набором текстовых индикаторов и их синонимов (табл. 1 и 2). Например, категория "демократия" определяется такими словами, как "выборы", "разделение властей", "федерализм", "свободная пресса"

и их синонимами*. При анализе каждому обнаруженному текстовому индикатору присваивалось определенное оценочное значение в интервале от "-1" (негативная оценка) до "+1" (позитивная оценка). Нейтральному отношению к определенному текстовому индикатору соответствовало значение "ноль".

Положительная оценка ("+1") определенного индикатора давалась на основе: а) положительных эпитетов, ассоциируемых с данным индикатором (например, "необходимый", "позитивный", "желательный", "императивный" и т.д.); б) определения текстового индикатора в качестве цели, задачи, необходимого условия для достижения каких-либо целей (например, "Мы должны стремиться к демократии"; "Наша цель — либерализация цен"; "Главной задачей сегодня является обустройство государства для блага человека" и т.п.); в) определения данного текстового индикатора как средства или пути достижения чего-либо несомненно позитивного (например, "Демократия — это путь прогресса"; "Либерализация цен ведет к появлению товаров"; "Экономический протекционизм помогает отечественному производителю" и т.п.).

Соответственно негативная оценка ("-1") любого текстового индикатора складывалась из: а) негативных эпитетов, ассоциируемых с данным текстовым индикатором (например, "пагубный", "дестабилизирующий", "негативный" и т.п.); б) определения текстового индикатора как чего-то нежелательного, чего следует избегать (например, "Мы должны избегать монополии политической власти"; "России не надо решать этнические проблемы силой" и т.п.); в) ассоциации текстового индикатора с отрицательными явлениями или процессами, ведущими к негативным или губительным результатам (например, "Либерализм ведет к деградации государства"; "Отсутствие национальной идеи разрушает страну"; "Авторитаризм — это катастрофа" и т.п.).

Нейтральное значение ("0") присваивалось в случае присутствия как негативных, так и позитивных оценок данного индикатора (например, "Социальная защита населения не эффективна, но необходима"; "Либеральная теория свободного рынка верна, но ее неправильно применяли"; "Хотя политическая система и авторитарна, но отражает российскую расстановку политических сил" и т.п.)**.

Результаты оценок конкретных текстовых индикаторов (и категорий в целом) обобщались хронологически по годам (см. табл. 1 и 2). Для каждого года рассчитывалось среднее арифметическое значение оценки категорий (сумма оценок, деленная на общее число упоминаний в данной категории). На основе данных об эволюции дискурса интеллектуальной элиты (см. табл. 1 и 2) автором были построены линии трендов для всех дихотомических категорий, включая "демократия—авторитаризм" (политическая дихотомия), "либеральная идеология—государственническая идеология" (идеологическая дихотомия), "свободно-рыночная модель—модель управляемой экономики" (экономическая дихотомия), "прозападная внешняя политика—самостоятельная/антизападная внешняя политика" (внешнеполитическая дихотомия) и "толерантные национальные отношения—националистические национальные отношения" (дихотомия национальных отношений). Полученные данные позволяют проследить эволюцию дискурса интеллектуальной элиты на протяжении последних десяти лет (см. ниже рис. 3, 6, 9, 12 и 15).

* У автора имеется список синонимов.

** Примеры присваивания определенных значений конкретным цитатам из массива данных приводятся в предыдущей статье автора.

Таблица 1*

Средние значения оценок текстовых индикаторов категорий либерального дискурса по годам

Категории: текстовые индикаторы	Среднее арифметическое (сумма оценок, деленная на число упоминаний)									
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Демократия:										
Разделение властей	1	1	1	1	1	1	1	0	1	
Парламентаризм	1	-1	1	0,2	-0,3	0,3	0	0	0,5	
Реальные выборы	1	0,5	1	0,8	1	0,7	1	0,8	0,3	
Многопартийность	1	1	1	0,6	1	0,2	0,7	1	0,5	-1
Конституционность	1		1	1	1	0,7	1	0,7	1	
Гражданское общество			0,7	0,7	0	1	1		1	1
Свободные СМИ			1	1		1		0	-0,7	-0,7
Федерализм	1	1	1	1	0	1	0,3	-0,7	-0,4	-1
Подотчетность власти	1	0,7	0,7	1						
Итого среднее арифметическое	1	0,5	0,9	0,8	0,6	0,8	0,7	0,2	0,4	-0,4
Либеральная идеология:										
Естественные права и свободы	1		1	1	1	1	0,5	-0,5		
Гражданские права	1	1	1	0,7	1	1	1	-1	0	1
Либеральные ценности	1	1	0	0	1	0,3	0,4	-0,3	-0,5	-1
Государство для людей. Права человека выше интересов государства	1	0,3	1	0,5	1	0,6	0,4	-0,7	-0,1	-0,6
Небольшой эффективный государственный аппарат	1	0	1	0,7	1	1	1	-0,3	0,5	
Признание и положительная оценка различных интересов		1	1	1	1	1	0,6	0	1	
Правовое государство	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Итого среднее арифметическое	1	0,7	0,9	0,7	1	0,8	0,7	-0,3	0,4	0,1
Свободно-рыночная экономическая модель:										
Рынок как основной агент экономического развития	0,8	1	0,9	0,7	1	1	0,5	-0,2	-0,3	0,5
Слабая социальная защита населения	1	0,5	0,5	1	1	1	-1	0,5	1	
Экономическая справедливость	0,7	0,8	0,7	0,7	1	1	0,3	0,3	1	
Низкие налоги	1	1	1	1	0,8	0,8	1	1	1	
Бездефицитный бюджет	1	1	0	1	1	1	0,7	1		
Ваучерная приватизация, частная собственность	1	0,8	0,7	0,1	0,6	0,8	0	0	1	1
Жесткая финансовая политика	1	0,7	1	1	1	0,5	1	1		
Либерализация внешнеэкономической деятельности	1	0,6	1	1	1	0,7	1	0	0	
Либерализация цен	1	0,5	1	0,6	1	1	1	1	1	
Конкуренция	1	0,8	0,8	0,6	1	0,7	1	0	1	
Универсальное нелиберальное экономическое развитие	0	0,5	0,6	0	1	0,3	-0,6	0,5	0	
Итого среднее арифметическое	0,9	0,7	0,7	0,7	0,9	0,8	0,4	0,5	0,6	0,8
Прозападная внешняя политика:										
Партнерство с Западом	1	0	1	-0,1		0,6	-0,3	-0,4	0,5	0
Однополярность				-1		-1		-1		-0,8
Идеалистическая внешняя политика	1		0,8	0,7	1	0,6	0,3	-0,6	0	0
Сокращение расходов на оборону	1		0,3	1					1	1
Отказ от вмешательства во внутренние дела других стран для защиты местного русскоязычного населения	1			1					1	1
Интеграция с бывшими союзными республиками на экономической основе	1		1	1	1	1	0	-0,3	1	
Итого среднее арифметическое	1	0	0,8	0,4	1	0,3	0	0,6	0,6	0,1
Толерантность национальных отношений:										
Все нации равны	1	1	0,3	1	1	1		-1	1	1
Мирное решение этнических проблем			1	0,3	1	1	0		0,3	
Существование универсальных ценностей			0,5	0	1	0,3	0,1	-0,3	1	-1
Итого среднее арифметическое	1	1	0,6	0,4	1	0,8	0,1	-0,7	0,8	0

* Незаполненные клетки в таблицах 1 и 2 означают отсутствие высказываний, содержащих текстовый индикатор или его синоним, в данном году.

**Средние значения оценок текстовых индикаторов категорий консервативного
(государственного) дискурса по годам**

Категории: текстовые индикаторы	Среднее арифметическое (сумма оценок, деленная на число упоминаний)									
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Авторитаризм:										
Монополия власти	-1	-1	-1	-0,5	0	-1	-9,5	-0,2	-0,3	
Президентское правление	0	-0,5	0,5	0,3	0	-0,5	0,5	0,3	0	1
Формальные выборы			-1	-1		-1	-0,6	0,5	1	
Однопартийная система, контролируемая оппозиция		0,5	-1	0	1	1	-0,5	0	0,3	1
Отсутствие конституционных норм, политическая целесообразность		-1	-1	-0,4	0	-0,6	-0,5	-0,5	-1	
Неравенство граждан в политическом процессе			-0,3			-1	0	-1	0,3	
Идеологический контроль СМИ			-1	-1	-1	-1		0	0,3	1
Унитарное государство	-1			1	-1	1	0	-0,6	0,5	1
Отсутствие контроля за властью	-1	-1		-1	-1				0	
Итого среднее арифметическое	-0,8	-0,6	-0,7	-0,3	-0,3	-0,4	-0,2	-0,2	0,1	1
Государственническая/консервативная идеология:										
Социальные права			1	-0,6	-1	1	0	1	1	
Позитивные права	-1		1	1	1	1		1	1	
Консервативные ценности	-1	0	0,2	-0,4	-1	0,5	0,3	1	1	
Примат государственных интересов над личными	-1	-1	-0,8	-0,2	0,3	1	0,7	1	0,7	0,9
Усиление силовой структуры государства	0	-1	0,3	-0,1	-0,1	0,7	1	1	0,4	0,8
Единство интересов, социальная гармония	-1	0	0,2	0,1	-1	1	0,5	1		1
Избирательность, двойной стандарт правоприменения	-0,5	-1	-1	-0,9	-1	-1	-1	-1	-1	
Итого среднее арифметическое	-0,8	-0,6	0,1	-0,1	-0,4	0,6	0,2	0,7	0,5	0,9
Управляемая экономика:										
Государство как регулятор рынка	0	-0,4	-0,1	-0,3	-0,3	-0,3	0	-0,3	0,5	1
Сильная социальная защита населения	0,5	-0,3	0,5	-0,3	0	0	0,5	0,8	1	
Социальная справедливость	-0,6	-1	-0,7	-0,3	0,3	-0,4	0,6	0	-1	
Высокие налоги	-1	-0,7	-1	-1	-1	-0,6	0	-1		
Бюджетный дефицит	-1	-1	0,5	-1	-1	-1	-0,7	-1	-1	
Альтернативы ваучерной приватизации: передача предприятия трудовым коллективам, национализация (коллективная и государственная формы собственности)	0	0	0	-1	-0,3	0,3	-0,7	-1	-1	-1
Выдача льготных кредитов, мягкая финансовая политика	-1	-0,9	-1	-1	-1	-1	-0,3	-1		
Протекционизм	-0,5	-0,7	-0,3	-1	-0,7	-0,5	0	0	1	
Контроль и регулируемость цен	-0,5	-0,8	-1	-1	-1	-0,5	-1	0		
Селективная поддержка приоритетных отраслей	0	-0,4	-0,4	-1	-0,2	-0,5	-0,1	-1	0,7	
Национальная экономическая модель	-0,2	1	1	0,7	-1	0,5	1	0,5	0	
Итого среднее арифметическое	-0,4	-0,5	-0,2	-0,7	-0,6	-0,4	-0,1	-0,4	0	0
Независимая или антизападная внешняя политика:										
Партнерство с Востоком и Югом	1	1	0	0,3		1	0,3	1	0,5	0
Многополярность				1		1		1		1
Реалистическая внешняя политика	1	1	-0,3	-0,2		1	1	0,6	0,3	1
Увеличение расходов на оборону			0,5	-1	-1	0,3		-1	1	
Защита русскоязычного населения			-1	0,3			1	1	1	
Имперское воссоздание СССР		1	1	-0,3			1	0,8		0,5
Итого среднее арифметическое	1	1	0	0	-1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6
Национализм:										
Деление наций на "хорошие" и "плохие"	-1	-1	-1	-0,9	-1	-0,3	-1	1	-1	-1
Силовое решение этнических конфликтов			0,5	-0,5	-0,8	-1	-1		0,3	1
Существование особых национальных ценностей, идей	-1	0,3	0,3	0,4	1	0,3	0,7	0,7	-0,2	1
Итого среднее арифметическое	-1	-0,3	-0,1	-0,3	-0,3	-0,3	-0,4	0,8	-0,3	0,3

3.2 Методы изучения эволюции общественного мнения. В отличие от дискурса интеллектуальной элиты, общественное мнение пассивно, подвержено манипуляции, недолговечно и не всегда четко выражено*. Традиционно оно изучается посредством опросов общественного мнения. Не вдаваясь в методологический спор о чистоте измерения общественного мнения в ходе таких опросов, отмечу лишь, что в настоящий момент не существует других более совершенных методов его изучения.

Автор использовал ответы на вопросы, задаваемые в ходе опросов общественного мнения, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) с 1992 по 2001 г. Данное исследование базируется на результатах опросов типа "Мониторинг" за 1993–2001 гг. (всероссийская выборка в 1993 г. — 4 тыс. человек, в 1994 г. — 3 тыс. и в 1995–2001 гг. — 2,4 тыс. человек), "Экспресс" за 1995–2001 гг. (всероссийская выборка — 1600 человек), "Омнибус" за 1992 г. (всероссийская выборка — 2000 человек), и "Факт" за 1992–1993 гг. (всероссийская выборка — 1600 человек).

Далее, однако, встает проблема соответствия результатов, полученных в ходе контент-анализа высказываний элиты, данным, полученным путем статистического анализа общественного мнения. Как сравнить хронологические изменения текстовых индикаторов контент-анализа с изменениями в ответах на вопросы опросов общественного мнения, если при этом использовалась разная терминология?

Для того чтобы решить эту проблему, автором выработана следующая методология — сравнение трендов в общественном мнении с трендами в дискурсе интеллектуальной элиты по аналогичным дихотомиям (политической, идеологической, экономической, внешнеполитической и дихотомии национальных отношений). Для данного сравнения были отобраны следующие вопросы, регулярно задаваемые ВЦИОМ:

Политическая дихотомия: Каким политическим партиям Вы симпатизируете? Вы за или против передачи всей власти президенту? Какого типа государством Вы хотели бы видеть Россию? Сколько в России должно быть политических партий? Какая политическая система кажется Вам лучшей? Дела в стране идут в правильном направлении или события ведут нас в тупик? Согласны ли Вы, что было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 г.?*

Идеологическая дихотомия: В какой мере Вы согласны с тем, что единственный выход из создавшейся ситуации — жесткая диктатура? Что сейчас важнее для России — порядок или демократия?*** Что для Вас важнее — интересы народа и страны в целом или личные интересы и интересы семьи?

Экономическая дихотомия: Рыночные реформы нужно прекратить или продолжать? Какие перемены сейчас нужны России — быстрые и радикальные или медленные и осторожные? В какой степени государство должно контролировать цены? Какая экономическая система кажется Вам более правильной? Дела в стране идут в правильном направлении или события ведут нас в тупик? Согласны ли Вы, что было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 г.?

Внешилополитическая дихотомия: Считаете ли Вы себя европейцем? Как Вы относитесь к Китаю? Как Вы относитесь к США? Каким образом Россия может стать супердержавой? Как Вы относитесь к союзу с Беларусью? Следует ли России вступить в НАТО?

* См. обзор литературы.

** Последние два вопроса измеряют как политические, так и экономические предпочтения россиян и, как следствие, включены в обе соответствующие дихотомии.

*** В данном сочетании автор трактует термин "демократия" как синоним либеральных "свобод" и антитезу консервативному "порядку".

Дихотомия национальных отношений: Как Вы относитесь к чеченцам? Как Вы относитесь к армянам и азербайджанцам? Как Вы относитесь к евреям? Что федеральному центру следует сделать в Чечне — продолжать наступление федеральных войск или начать мирные переговоры с руководством Чечни? Как Вы относитесь к идее "Россия — для русских"?

Каждый вопрос имеет определенный набор ответов. Так, ответы на вопрос "Какой партии Вы симпатизируете?" среди прочих имеет следующие варианты: "коммунистам", "демократам", "патриотам". Отвечая на вопрос "Какая экономическая система кажется Вам более правильной?", респондент может выбрать между "экономической системой, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения" и "экономической системой, основанной на государственном планировании и распределении". Выбирая определенный вариант ответа, респондент выражает свое отношение к конкретным категориям аналогично тому, как коммуникатор дискурса раскрывает свою позицию путем оценки текстовых индикаторов.

Таким образом, ответы на отобранные вопросы являются наиболее близкими эквивалентами оценок текстовых индикаторов контент-анализа. Например, положительное отношение к категории "демократия" (политическая дихотомия) в общественном мнении выражается в выборе в пользу многопартийности, демократических партий, политического устройства России по типу демократических государств Запада и парламентаризма (рис. 1). Аналогичная позиция интеллектуальной элиты выражается в положительной оценке, даваемой тестовым индикаторам "федерализм", "многопартийность", "свободные выборы", "парламентаризм" и т.п. (рис. 3, табл. 1). Категория "авторитаризм" (политическая дихотомия) имеет положительную оценку в общественном мнении, если респонденты предпочитают однопартийность, коммунистические и патриотические партии, монархию или советскую политическую систему и президентализм (рис. 2). Та же самая позиция интеллектуальной элиты выражается в поддержке "унитарного государства", "однопартийности", "формальных выборов", "президентского правления" и т.п. (см. рис. 3, табл. 2). Важной характеристикой отобранных вопросов является и регулярность, с которой они задавались, так как для данной работы было важно получить динамичную картину эволюции общественного мнения.

Далее для значимых ответов на вопросы* каждой конкретной категории создавались линии трендов. Построенные таким образом тренды общественного мнения поддаются сравнению с полученными ранее линиями трендов дискурса интеллектуальной элиты. Единственным отличием является множественность трендов ответов, полученных в ходе опросов общественного мнения, тогда как тренд дискурса единичен (см. рис. ниже).

Конечно, тренды дают возможность судить о самых общих чертах эволюции как общественного мнения, так и дискурса элиты. Можно узнать, например, что популярность "свободно-рыночной модели" имела положительную тенденцию среди элиты и отрицательную динамику в общественном мнении. Однако по линиям трендов невозможно понять, была ли эта тенденция постоянной или подверженной колебаниям. Если же такие колебания происходили, то имеется ли какая-либо причинно-следственная связь между изменениями сознания элиты и переменами в об-

* При этом опускались ответы типа "не знаю", "затрудняюсь ответить" и т.п. В отдельных случаях ответы объединялись по смыслу. Например, положительное, очень положительное и нейтральное отношение к определенному понятию, стране, национальной группе рассматривалось суммарно как положительное (не отрицательное). Негативное и резко негативное отношение же рассматривалось суммарно как негативное.

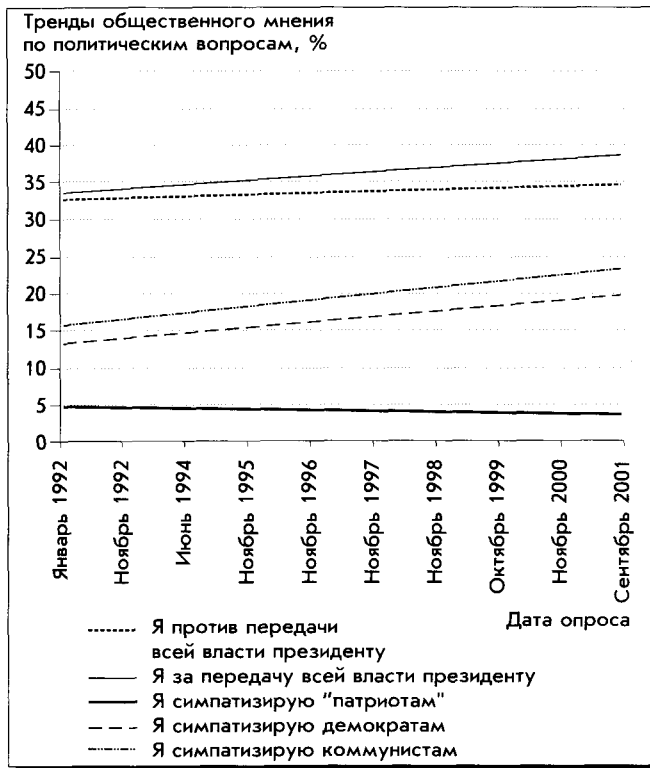

Рис. 1. Тренды политических предпочтений населения

публичном мнении. Здесь автор посчитал уместным сравнить непосредственно графики эволюции дискурса элиты с графиками ответов на наиболее важные вопросы задаваемые в ходе опросов общественного мнения и наиболее полно отражающие суть каждой категории (см ниже п. 4.6).

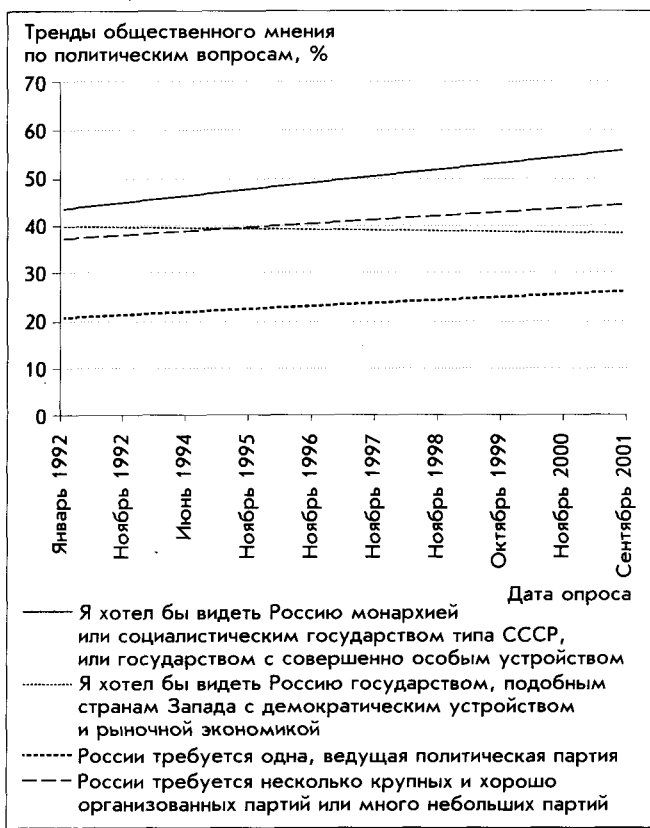

Рис. 2. Тренды политических предпочтений населения

4. Анализ данных.

4.1. Эволюция отношения интеллектуальной элиты и населения к демократии и авторитаризму. На рисунках 1 и 2 четко прослеживается деление общественного мнения на две примерно равные по силам группы: авторитарную и демократическую. Характерно, что ни одна из групп не является доминирующей. Как демократические, так и авторитарные тренды имеют слабо выраженную положительную динамику, т.е. одна часть населения все больше поддерживает демократические нормы и институты, тогда как вторая — все больше склоняется к авторитарной ориентации. Интересно, что россияне предпочитают демократическую многопартийную систему более авторитарной однопартийной системе. Для остальных показателей, включая политическую систему, партийные предпочтения и укрепление президентской власти, доминируют авторитарные тенденции. Однако это преобладание не абсолютно.

Если общественное мнение все еще не достигло консенсуса по политическим вопросам и популярность как демократических, так и авторитарных норм среди населения постоянно возрастает, то интеллектуальная элита сделала однозначный выбор в пользу авторитаризма (см. рис. 3). В политических взглядах элиты демократические установки постепенно вытеснены, и с 2000 г. в ее дискурсе стали преобладать авторитарные ориентации. Если в начале рассматриваемого периода интеллектуальная элита была гораздо более демократически настроена по сравнению с большинством населения, то сейчас ситуация изменилась. В настоящее время общественное мнение более демократично, чем интеллектуальная элита.

Два рассматриваемых в данной статье явления развиваются в разных направлениях. Примерно равное распределение авторитарных и демократических ориентации в общественном мнении стабильно, тогда как взгляды интеллектуальной элиты подвержены дрейфу в сторону большего авторитаризма. Важно, что падение популярности демократических норм в дискурсе интеллектуальной элиты абсолютно не вызвано изменениями в общественном мнении. Скорее этот процесс объясняется глубинными клановыми интересами самой элиты.

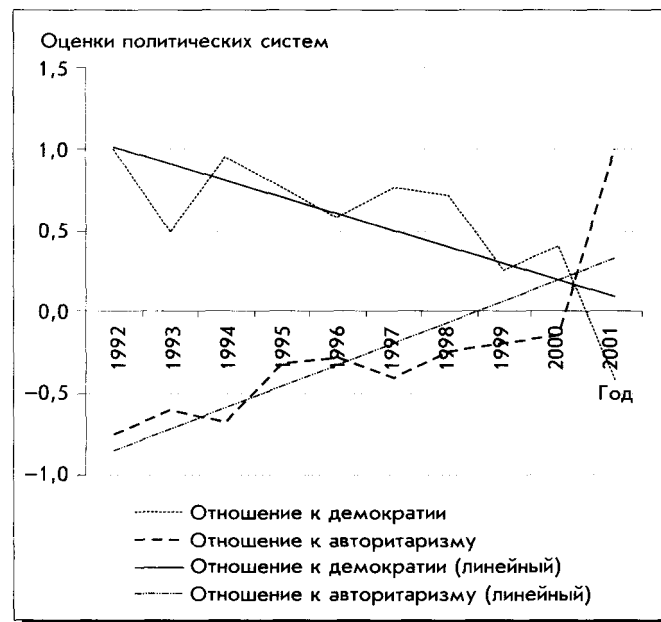

Рис. 3. Эволюция оценки политических систем в дискурсе интеллектуальной элиты

4.2. Эволюция отношения интеллектуальной элиты и населения к либеральной и государственнической/консервативной идеологии. Рисунки 4 и 5 демонстрируют, что российское общественное мнение довольно консервативно. Особенно консерватизм/государственничество проявляется в предпочтении порядка (синоним сильного государства) демократии (аналог прав и свобод граждан). Постоянно возрастает число считающих, что диктатура является лучшим решением всех российских проблем. Однако россияне не согласны, что интересы страны важнее личных интересов. Последнее означает, что либеральные ценности все-таки полностью не приемлемы для населения.

Эволюция дискурса интеллектуальной элиты в целом сходна с изменениями в общественном мнении (см. рис. 6). Налицо все возрастающее предпочтение государственничества/консерватизма как идеологии. Уже в 1998 г. государственничество победило либерализм в идеологическом споре. Однако либерализм элиты не полностью дискредитировал себя. При более благоприятных условиях он еще может быть востребован. Смена идеологической парадигмы произошла даже раньше смены политических предпочтений. Вполне вероятно, что изменения в отношении к реальным политическим институтам были подготовлены сменой идеологических приоритетов. Как и в случае с политическими взглядами, интеллектуальная элита первоначально была намного либеральнее, чем население в целом. Однако в настоящий момент как элита, так и "массы" являются весьма консервативными.

Очевидно, что в данной области эволюция дискурса интеллектуальной элиты и общественного мнения идет в одном, консервативном направлении, но либерализм не полностью исчерпал свои ресурсы.

4.3. Эволюция отношения интеллектуальной элиты и населения к свободно-рыночной модели и модели управляемой экономики. Отношение населения к различным экономическим моделям можно проследить на рисунках 7 и 8. Из них следует, что экономические предпочтения россиян лежат в области управляемой экономики, а не свободной рыночной модели. Россияне предпочитают мед-

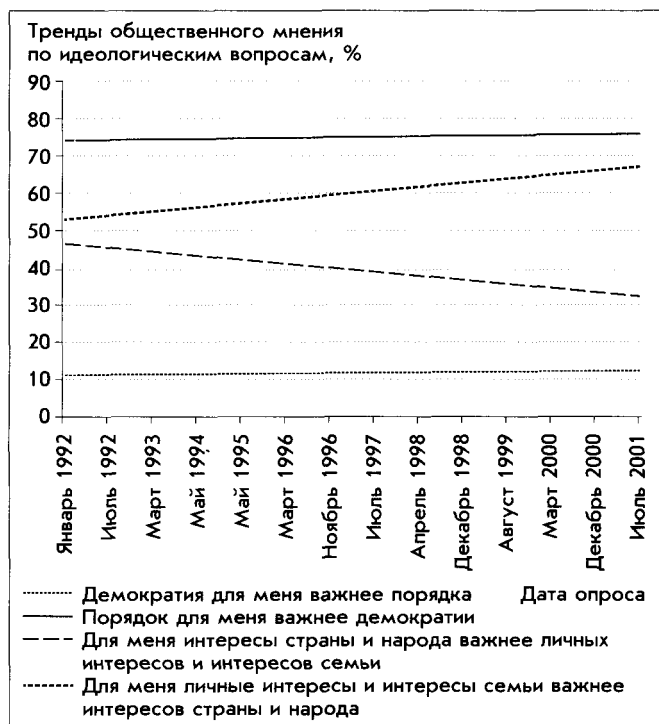

Рис. 4. Тренды идеологических предпочтений населения

Рис. 5. Тренды идеологических предпочтений населения

ленные осторожные перемены, государственный контроль за ценами, экономическую систему, основанную на государственной собственности. Однако они по-прежнему высказываются за продолжение рыночных реформ. Интересно, что в начале рассматриваемого периода россияне были настроены более оптимистично по отношению к рынку. Они предпочитали рыночные механизмы управления экономикой государственному вмешательству.

Хотя большинство населения и не согласен с введением рыночных экономических механизмов, взгляды интеллектуальной элиты на эту проблему стабильны. Она всегда предпочитала свободно-рыночную модель управляемой экономики (рис. 9). Модель же государственной экономики никогда не составляла ей конкуренции. Очевидно, что интеллектуальная элита придерживается гораздо более либеральных воззрений в экономике, чем остальное

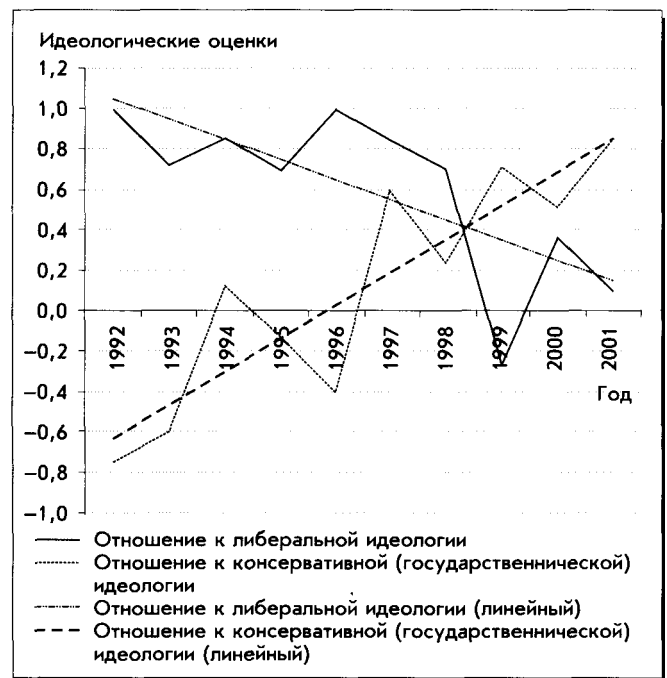

Рис. 6. Эволюция идеологических оценок в дискурсе интеллектуальной элиты

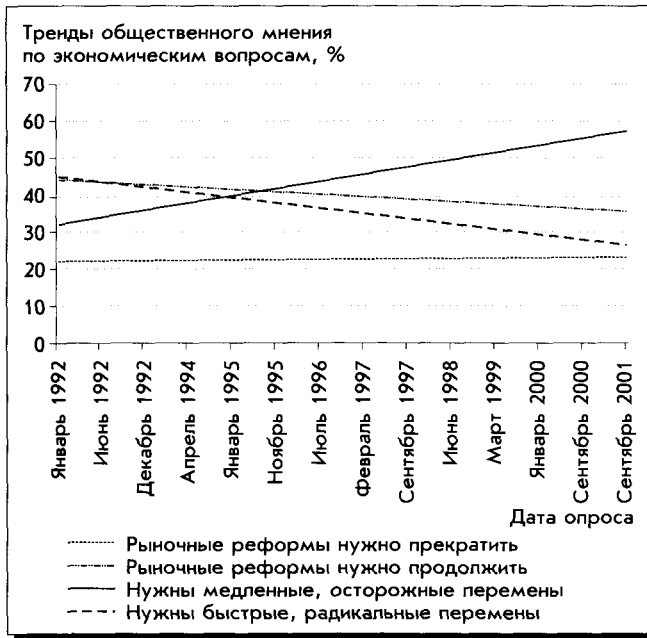

Рис. 7. Тренды экономических предпочтений населения

население страны. Если в начале рассматриваемого периода экономический либерализм элиты мог опираться на слабую поддержку общественного мнения, то сейчас элита находится в вакууме. Ее взгляды никак не разделяются населением, так как экономический либерализм является базовой позицией интеллектуальной элиты, вероятно, что она (элита) не нуждается в поддержке населения по данному вопросу.

Налицо еще одно расхождение предпочтений интеллектуальной элиты и массовых слоев общества. Экономический либерализм элиты постоянен, тогда как экономические взгляды населения эволюционируют в сторону госу-

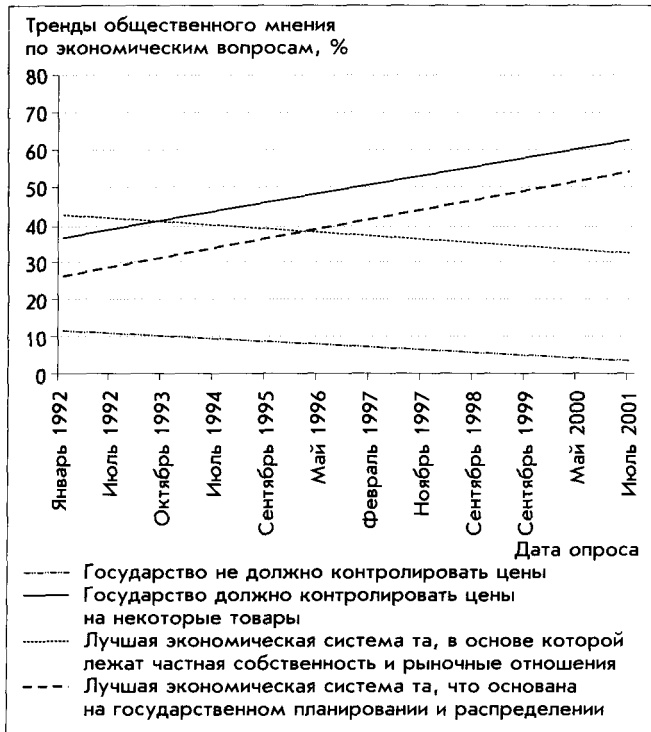

Рис. 8. Тренды экономических предпочтений населения

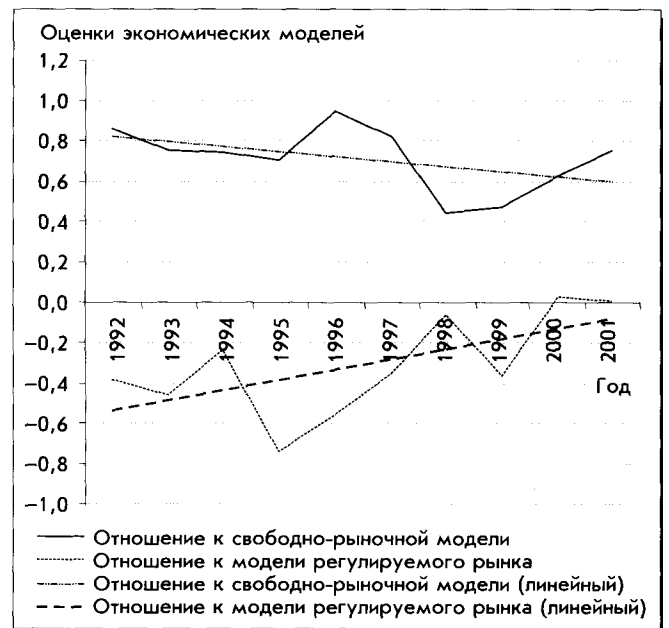

Рис. 9. Эволюция оценок экономических моделей в дискурсе интеллектуальной элиты

дарство-центричной экономической модели (регулируемой экономики). У элиты отсутствуют возможности влиять на общественное мнение по этим вопросам, а население не способно заставить элиту считаться со своими взглядами. Это особенно интересно, так как именно экономические взгляды элиты, и населения в целом отличаются наибольшей ясностью и законченностью.

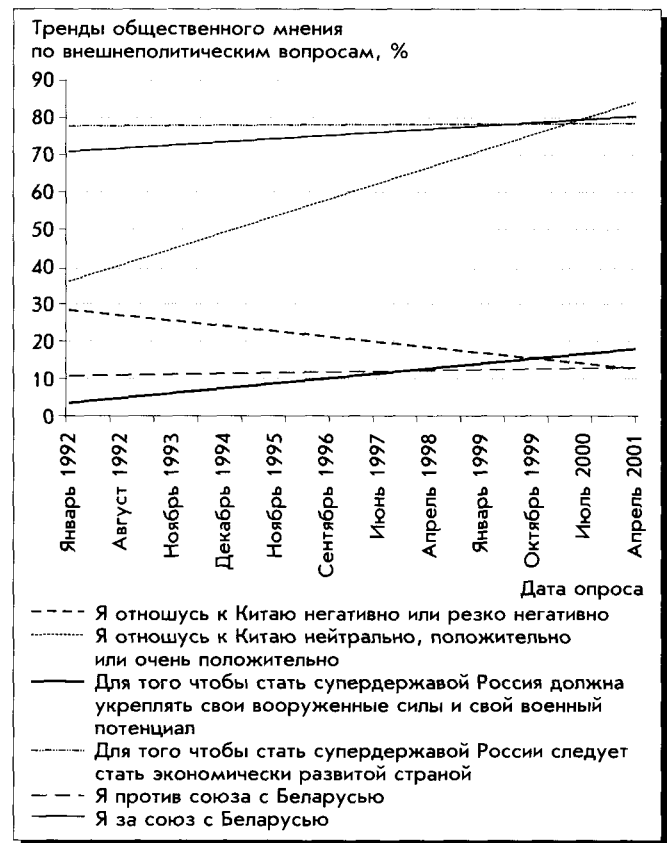

Рис. 10. Тренды внешнеполитических предпочтений населения

4.4. Эволюция отношения интеллектуальной элиты и населения к прозападной и самостоятельной/антизападной внешней политике. Поскольку внешнеполитические вопросы находятся за пределами повседневных интересов населения, логично было бы ожидать большого разброса мнений в этой области. Действительно, на рисунках 10 и 11 можно наблюдать отсутствие у населения приверженности какой-либо одной модели внешнеполитической деятельности. С одной стороны, растет число людей, с симпатией относящихся к Китаю и негативно — к США, считающих, что России не надо вступать в НАТО, но надо развивать союз с Беларусью (самостоятельная/антизападная внешняя политика). С другой стороны, все больше людей выступают за членство России в НАТО и все меньше чувствуют себя "неевропейцами" при том, что число людей, считающих себя европейцами, хорошо относящихся к США, выступающих за экономическое развитие как залог возврата к статусу "супердержавы", остается стабильным (прозападная внешняя политика). Очевидно, что общественное мнение четко делится на "западников" и "сторонников антизападного курса".

В то же время дискурс интеллектуальной элиты строится на антизападных или независимых внешнеполитических ориентирах (рис. 12). Начиная с 1995 г.* меняется характер риторики элиты: апологетика сотрудничества с Западом замещается более критическим отношением к НАТО, Европе и особенно США. В отличие от общественного мнения, сохраняющего известное многообразие внешнеполитических установок и ориентиров, элита в своем антизападничестве гораздо более консервативна, особенно в вопросах внешней политики. Если в начале 1990-х годов расстановка внешнеполитических акцентов в дискурсе элиты повторяла позиции общественного мнения, то теперь элита придерживается более сильно выраженных, по сравнению с общественным мнением, антизападнических взглядов. Как и в случае с демократией, современное общественное мнение в России более прозападно, чем интеллектуальная элита.

И общественное мнение, и дискурс элиты эволюционируют в сторону большей ориентации на Восток и Юг. Можно предположить, что умеренный характер антизападничества элиты объясняется воздействием именно общественного мнения.

4.5. Эволюция отношения интеллектуальной элиты и населения к различным моделям национальных отношений. В общественном мнении по национальным вопросам присутствуют и толерантные, и националистические ориентации (рис. 13 и 14). Россияне все более положительно относятся к армянам, азербайджанцам и евреям. В то же время они все более негативно относятся к чеченцам и все более позитивно к идее "Россия — для русских". Россияне также в большинстве своем поддерживали второй этап войны в Чечне.

На рисунке 15 демонстрируется безусловное падение значимости принципа национальной толерантности в дискурсе интеллектуальной элиты. Переход к националистическим подходам в межэтнических отношениях приходится на конец 1999 г. В начале же рассматриваемого периода интеллектуальная элита была толерантнее, чем общественное мнение.

Можно констатировать, что, хотя общественное мнение и дискурс интеллектуальной элиты эволюционируют в сторону большего национализма, этот процесс протекает значительно быстрее именно в риторике элиты.

* В статье приведены данные на период до 11 сентября 2001 г.

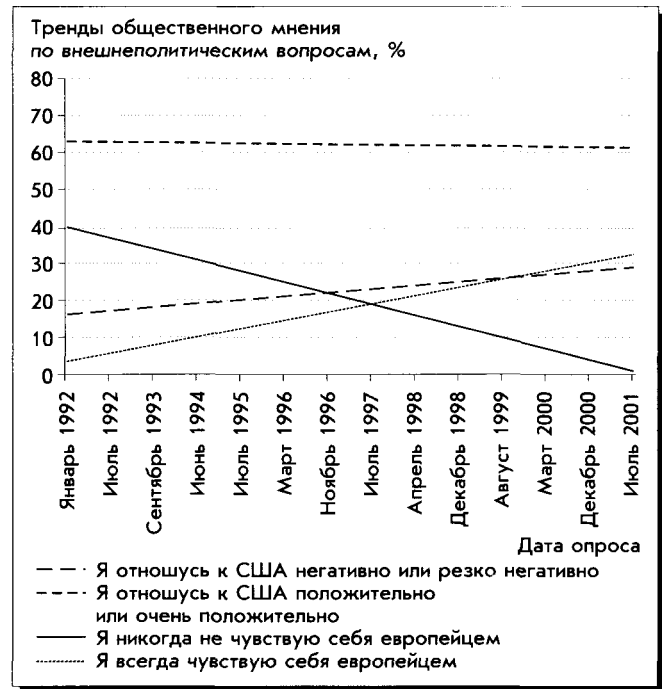

Рис. 11. Тренды внешнеполитических предпочтений населения

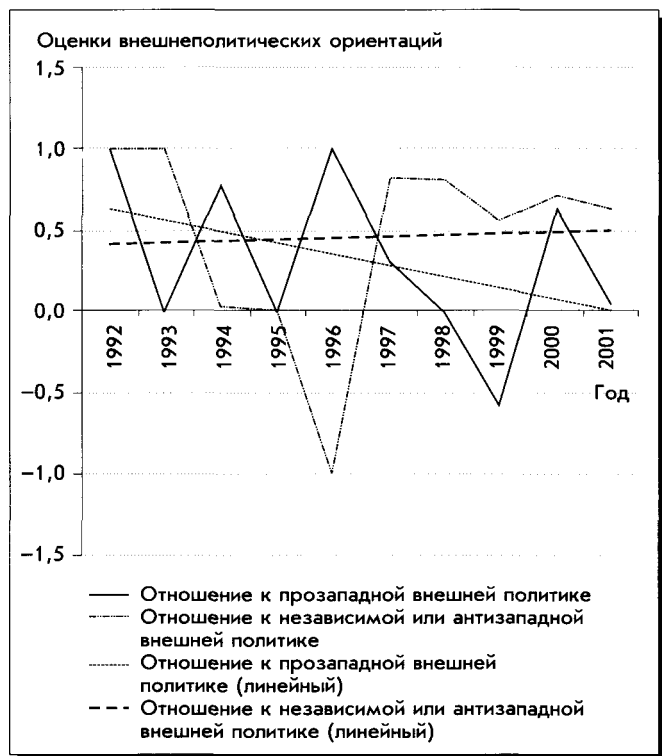

Рис. 12. Эволюция оценок внешнеполитических ориентаций в дискурсе интеллектуальной элиты

4.6. Анализ причинно-следственных связей для отдельных дихотомий. Ниже приведенные рисунки с распределением ответов на отдельные вопросы опросов общественного мнения, а также рисунки с эволюцией дискурса интеллектуальной элиты дают возможность судить о более детальном характере взаимозависимостей между дискурсом элиты и общественным мнением.

На рисунке 16, например, видно, что консервативный поворот в общественном мнении произошел приблизи-

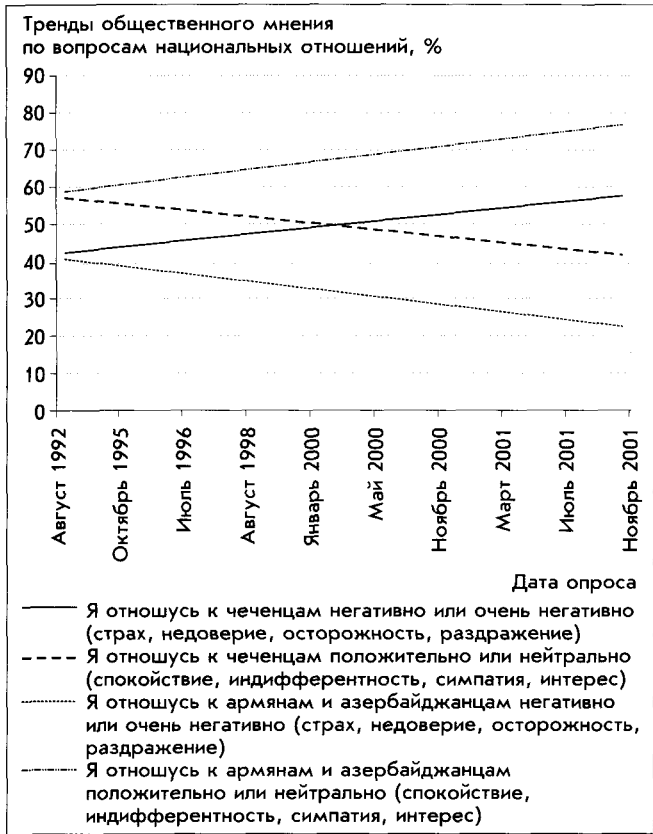

Рис. 13. Тренды предпочтений населения в области национальных отношений

тельно в апреле 1994 г. Если до этого число людей, желающих вернуться к ситуации до 1985 г. (т.е. желающих возврата к однопартийной политической системе, сильному государству, командной экономике, восстановлению СССР и антизападничеству времен "холодной войны"), было меньше числа людей, отрицающих подобный ре-

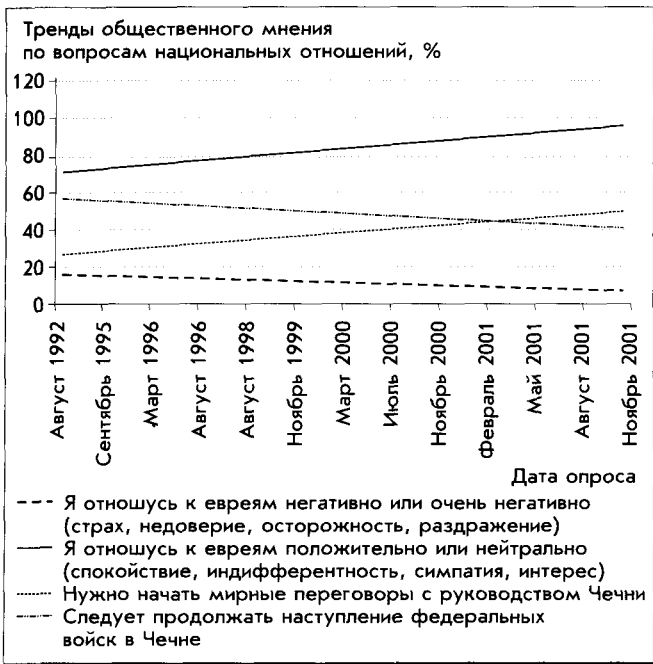

Рис. 14. Тренды предпочтений населения в области национальных отношений

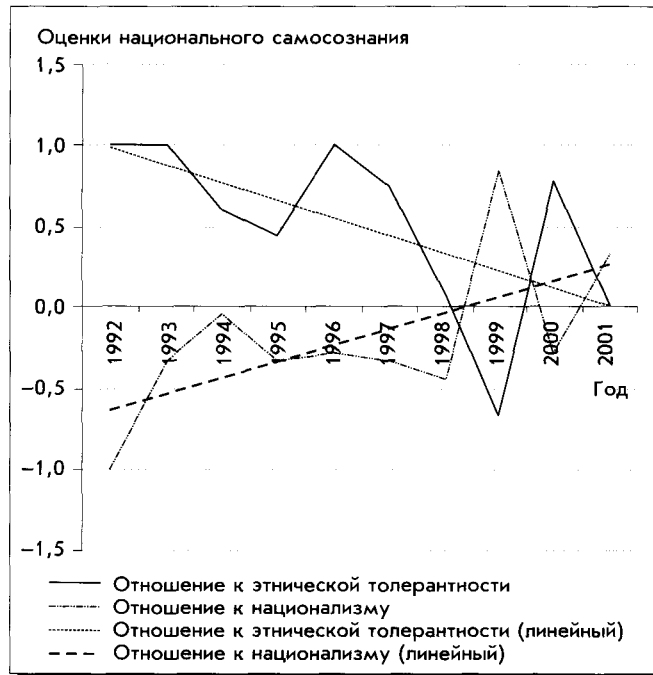

Рис. 15. Эволюция оценок моделей национальных отношений в дискурсе интеллектуальной элиты

ванш, то впоследствии эта ситуация меняется. Таким образом, логично предположить, что общественное мнение могло послужить причиной эволюции дискурса интеллектуальной элиты в сторону большего консерватизма.

Рисунок 17 тоже косвенно подтверждает, что до 1999 г. россияне в целом негативно оценивали экономические,

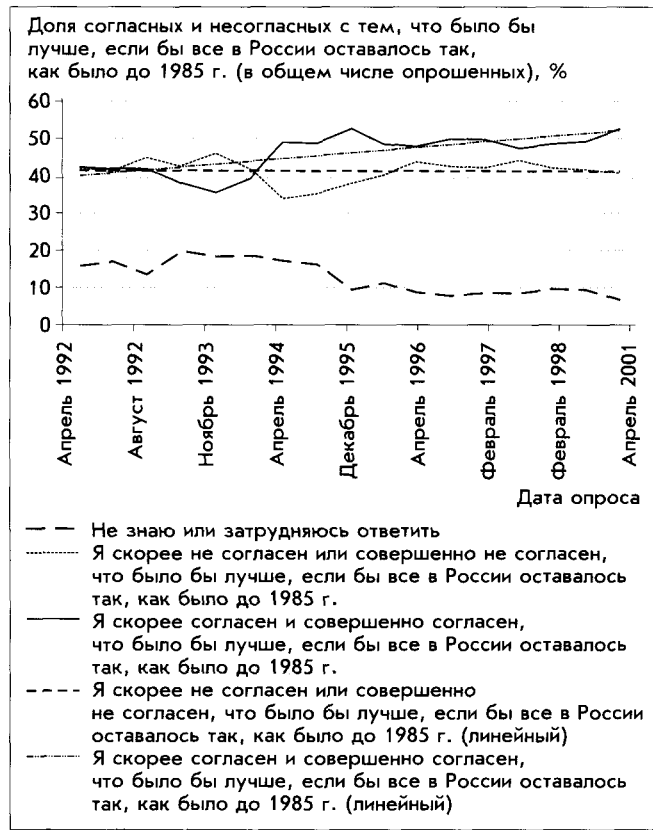

Рис. 16. Согласны ли Вы, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 г.?

Рис. 17. Дела в стране идут в правильном направлении или события ведут нас в тупик?

Рис. 18. Какая политическая система кажется Вам лучшей?

политические, социальные и внешнеполитические перемены в стране. Лишь после назначения В.Путина на должность премьер-министра и его последующего избрания президентом оценка ситуации в России становится более оптимистичной. Интересно также проследить за взаимосвязью между общественным мнением и риторикой элиты по отдельным блокам-категориям.

Политические пристрастия россиян претерпели изменения после президентских выборов 1996 г. До этого число тех, кто предпочитал советскую, т.е. более авторитарную, политическую систему снижалось, а доля "демократов", наоборот, возрастала. После выборов ситуация изменилась (рис. 18). Подтверждение тому же мы видим и на рисунке 19. Согласно ему, после 1998 г. россияне стали чаще отдавать предпочтение государству советского типа, мо-

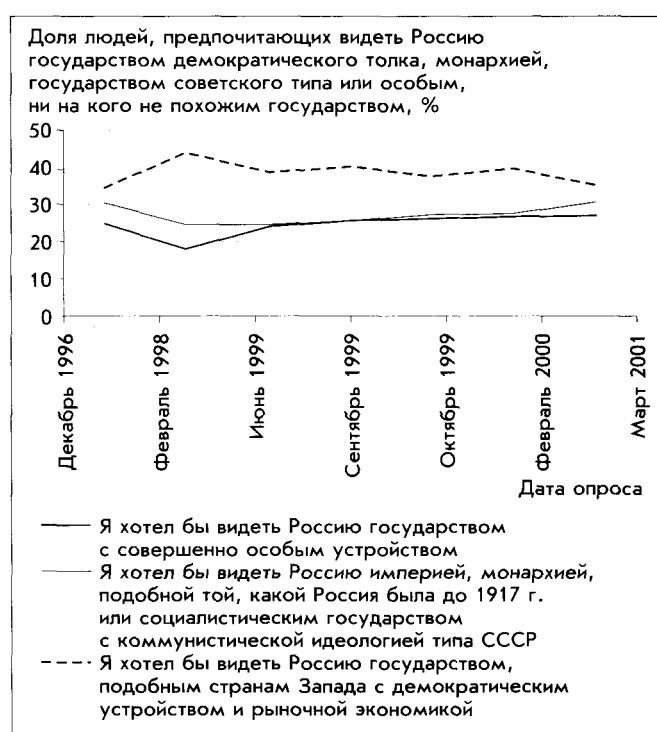

Рис. 19. Какого типа государство Вы хотели бы видеть в России?

нархии, настаивая на совершенно особом типе российского государства, и меньше ориентироваться на модель демократического государства западного типа. Тем не менее демократия не полностью дискредитирована в общественном мнении. Она лишь немного уступает более авторитарным альтернативам (см. рис. 18), а согласно рисунку 19, где авторитарные альтернативы разбиты на более конкретные варианты, и вовсе лидирует. Однако возвращаясь к возможной причинно-следственной связи между общественным мнением и дискурсом интеллектуальной элиты, можно сделать вывод, что дрейф общественного мнения в сторону большего авторитаризма повлиял на эволюцию дискурса элиты в том же направлении (см. рис. 3, 18 и 19). Авторитарная эволюция в общественном мнении хронологически предшествует авторитарным изменениям в дискурсе элиты. Однако существующие в общественном мнении демократические установки никак не повлияли на негативное восприятие демократии интеллектуальной элитой.

В идеологической сфере изменение в сторону большего консерватизма общественного мнения наблюдается с конца 1993 г., когда началось увеличение числа людей, согласных с тем, что диктатура — это лучшее решение российских проблем (рис. 20). В то же время число предпочитающих порядок демократии и ассоциируемым с ней гражданским свободам стабильно (рис. 21). Как и в политической области, именно растущий консерватизм общественного мнения, вероятно, оказал влияние на усиление консервативных установок интеллектуальной элиты (см. рис. 6 и 21).

В экономической области не прослеживается никакой причинно-следственной связи между процессами в настроениях элиты и массы. Общественное мнение все более склоняется в пользу регулируемой экономики, тогда как интеллектуальная элита стабильно отстаивает принципы свободно-рыночной экономической модели (см. рис. 9 и 22).

Во внешнеполитической сфере можно констатировать, что западничество общественного мнения слабо отражается на дискурсе элиты, хотя оно, возможно, и привело к возникновению умеренно антизападных (а не резко антизападных) ориентации в дискурсе элиты. А вот антиза-

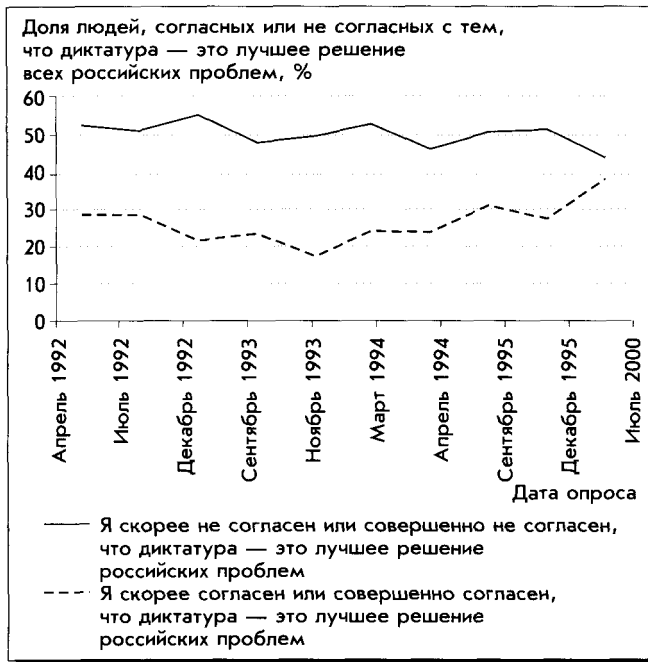

Рис. 20. В какой мере Вы согласны с тем, что единственный выход из сложившейся ситуации — жесткая диктатура?

падничество элиты способно стимулировать рост подобных же настроений среди населения (см. рис. 12, 23-26).

Наконец, рис. 27 показывает, что именно рост национализма среди населения, начавшийся еще в 1993 г., является причиной того, что риторика элиты стала менее толерантной (изменение, произошедшее лишь в 1996 г., см. рис. 15 и 27). Однако присутствующие в общественном мнении и слабые ростки толерантности могли способствовать тому, что национализм элиты имеет все-таки умеренный характер. Здесь, как и в случае с консервативной идеологией, можно говорить о способности ценностей общества (не всегда либеральных и толерантных) проникать в дискурс интеллектуальной элиты.

Рис. 21. Что сейчас важнее для России — порядок или демократия?

Рис. 22. Какая экономическая система кажется Вам более правильной?

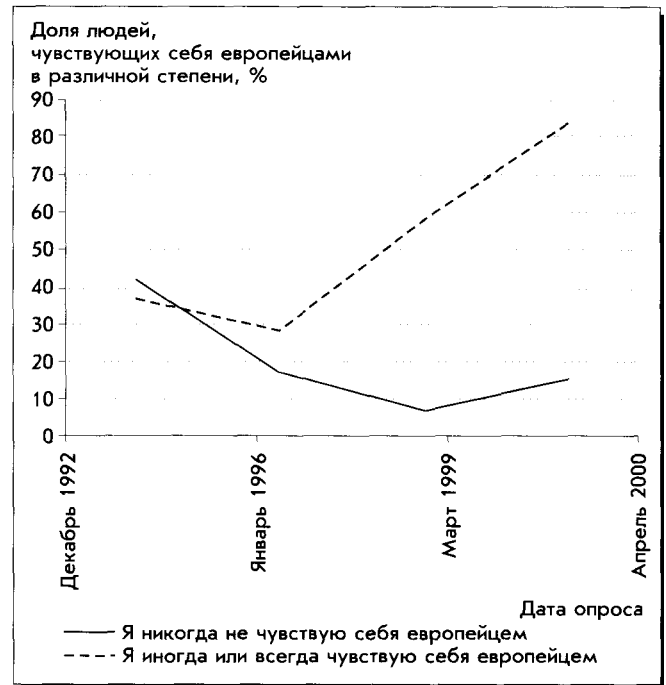

Рис. 23. Считаете ли Вы себя европейцем?

Выводы. Области влияния общественного мнения на дискурс интеллектуальной элиты. Общественное мнение способно оказывать влияние на дискурс интеллектуальной элиты в политическом, идеологическом блоках, а также в области национальных отношений. Именно авторитаризм, консерватизм и национализм общественного мнения могут считаться причиной соответствующей эволюции дискурса интеллектуальной элиты. Однако общественное мнение, как неоднократно отмечалось выше, также является и демократическим, и прозападным. Но эти установки общественного мнения не востребованы интеллектуальной элитой. В политической и внешнеполитической областях российское общество "либеральнее" интеллектуальной элиты.

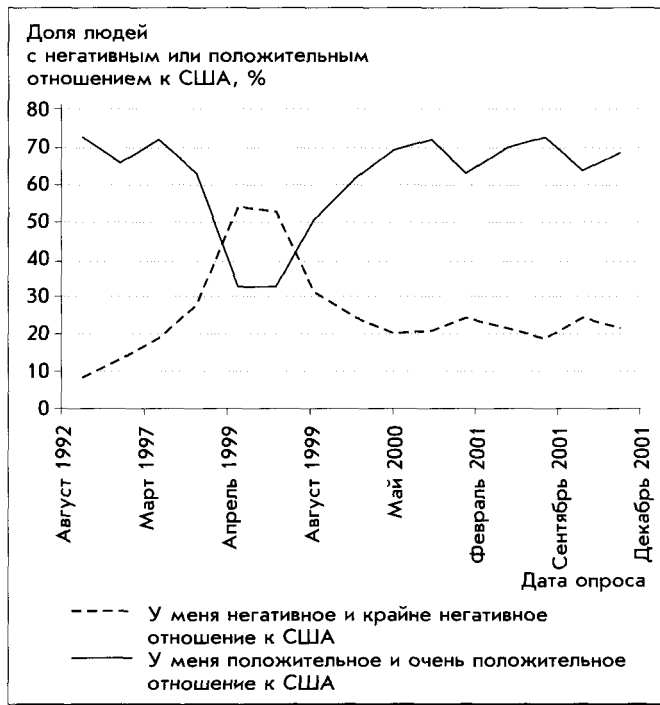

Рис. 24. Как Вы относитесь к США?

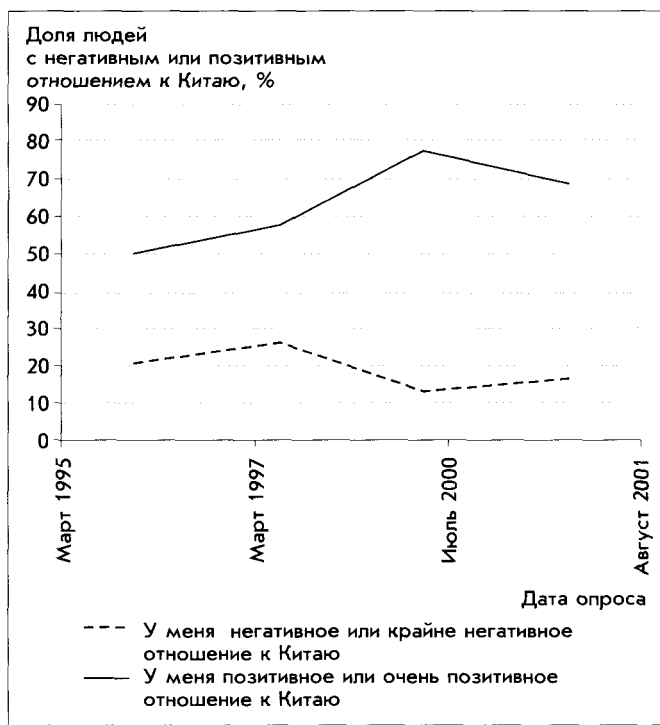

Рис. 25. Как Вы относитесь к Китаю?

Влияние интеллектуальной элиты на общественное мнение. Единственной областью, где интеллектуальная элита оказалась способной навязать свои ценности обществу, является внешнеполитический блок. Растущая популярность антизападной внешней политики среди населения (правда, соседствующая в общественном мнении с прозападным курсом) может быть вызвана антизападничеством интеллектуальной элиты. Важно, что элита оказалась не способна не только привнести свои этнически толерантные и идеологически либеральные установки в сознание населения, но и убедить население в правиль-

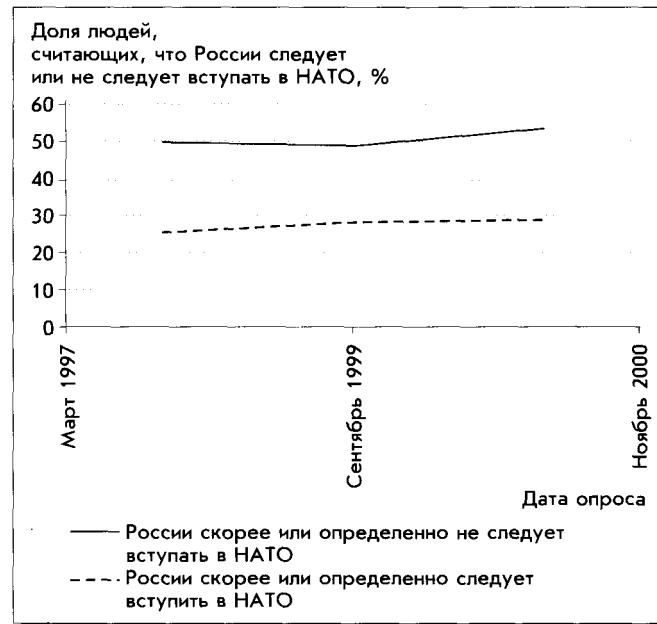

Рис. 26. Следует ли России стремиться к вступлению в НАТО?

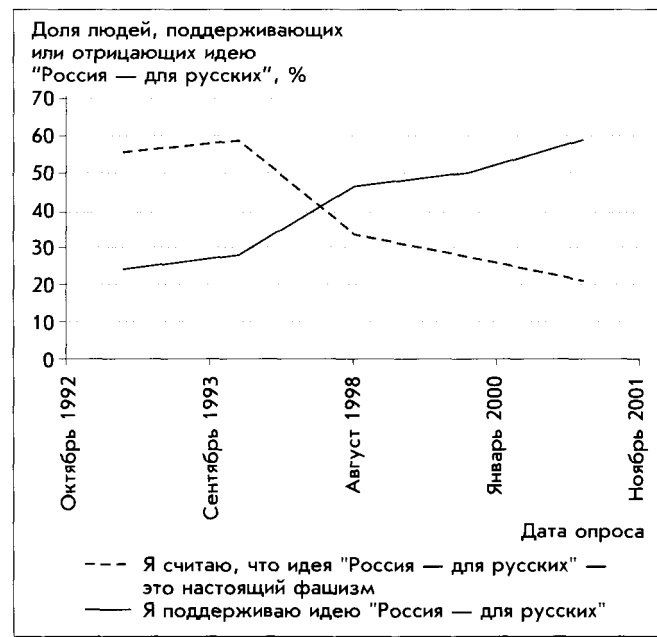

Рис. 27. Как Вы относитесь к идее "Россия — для русских"?

ности свободно-рыночной экономической модели (важнейшая установка интеллектуальной элиты). В идеологической и экономической дихотомиях, а также в сфере национальных отношений российская элита более "либеральна", чем общество.

Дискурс интеллектуальной элиты, общественное мнение и возможность построения демократического общества в России. Для построения демократического, свободно-рыночного государства с либеральной идеологией, прозападной внешней политикой и толерантными национальными отношениями (т.е. государства, отражающего принципы "либерального" направления в дискурсе и общественном мнении) в России существуют как препятствия, так и предпосылки. Конечно, общественное мнение ограничивает возможности элиты при построении либерального (в экономическом, идеологическом и национальном

смысле) государства. Но оно также содержит в себе потенциал для дальнейшего развития демократии и сотрудничества с экономически развитыми странами Запада. Именно на эти ценности и может опереться либеральная часть интеллектуальной элиты, если построение демократического и прозападного государства входит в ее планы.

* * *

Результаты данного исследования в целом совпадают с выводами, содержащимися в американской литературе о роли общественного мнения в современном демократическом обществе. Сопоставление эволюции взглядов населения и интеллектуальной элиты России показывает, что элита и общество нередко движутся в одном и том же направлении. Как и в более развитых демократических странах, влияние российского общественного мнения на риторику элиты не абсолютно. К тому же в тех случаях, когда общественное мнение и достигает элиты, его роль весьма специфична. Элита предпочитает пользоваться консервативными установками общественного мнения, игнорируя более либеральные и демократические тенденции. Возможно, это объясняется особенностями российской электоральной политики. Включая консервативные элементы общественного мнения в свой дискурс, элита пытается привлечь на свою сторону оппозиционный электорат как коммунистов, так и "патриотов", полагая при этом, что более либеральная, прозападная, демократическая и толерантная часть избирателей и без того поддержит правящий режим. Характерно, что интеллектуальная элита оказалась способной пожертвовать большинством своих первоначальных установок, за исключением принципиального для нее экономического либерализма. Таким образом, российская интеллектуальная элита прислушивается к общественному мнению только в тех случаях, когда это отвечает ее насущным интересам.

К сожалению, пока отсутствуют систематические данные, позволяющие соотнести Россию не только с развитыми странами Запада, но и с другими посткоммунистическими государствами как бывшего СССР, так и Восточной Европы. Однако сравнительные исследования такого рода необходимы для того, чтобы лучше понять природу обществ, находящихся в процессе становления демократии. Следующей стадией данного проекта и станет заполнение этой лакуны.

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Динамика общественных статусов за 20 лет

Проблемы социальной стратификации российского общества являются ключевыми для отечественной социологии. Во многих исследованиях, посвященных этой тематике, проводится анализ динамики и структуры субъективных оценок населением своего положения на воображаемой социальной лестнице. В силу характера имеющейся эмпирической информации анализ таких данных до сих пор проводился на основе сопоставления опросов общественного мнения, проведенных в разное время и не по панельной выборке. Однако при таком подходе сравнение усредненных показателей возможно только по заранее выделенным группам опрошенных, следовательно, здесь нельзя учесть возможные структурные изменения внутри этих групп — это первое обстоятельство, которое необходимо отметить. Второе — в ряде случаев эмпирические данные позволяли проводить сравнения субъективных оценок социального статуса респондентов в текущий момент и в некоторый период в про-

шлом или будущем на базе сопоставления индивидуальных данных. Однако такие эмпирические данные имелись только для относительно коротких отрезков времени — не более десяти лет. Изменение же статусных позиций — это весьма инерционный процесс. Временные интервалы в пять—десять лет могут оказаться недостаточными для адекватной характеристики процессов, протекающих в России на протяжении всех лет социально-экономических перемен. Описание структуры сегодняшнего российского общества, с точки зрения долгосрочной динамики статусных самооценок людей, образующих это общество, может помочь более точно определить размеры различных групп населения и характер их отношения к происходящим переменам.

Тема данной статьи — анализ структуры российского общества в разрезе динамики субъективных оценок общественного положения за 20 лет социально-экономических перемен в России — с начала 80-х годов до конца прошлого века. Информационной базой анализа послужили данные исследования социально-политических ценностей, проведенного в России весной 2000 г. в рамках международной исследовательской программы, инициированной Университетом Виадрин (Франкфурт-на-Одере, Германия). В России были опрошены 1500 респондентов, репрезентирующих взрослое (старше 18 лет) городское и сельское население страны. Анкета среди прочего включала вопрос о самооценке своего положения на воображаемой общественной лестнице*, традиционный для исследований по данной теме. Респондента просили дать оценку общественного статуса своей семьи для разных периодов: респонденты определяли общественный статус своей семьи в начале 80-х годов, затем — в начале 90-х годов, и наконец, — в настоящее время.

1980-е и 1990-е годы представляют два разных этапа процесса социально-экономической трансформации российского общества. 1980-е годы условно можно охарактеризовать преимущественно как период распада прежнего общества, отрицания старого, расцвета идеалистических надежд в социально-политической сфере жизни, период "первой волны кооперации" в области экономики. 1990-е годы — это скорее этап становления нового общества, период, с одной стороны, утраты иллюзий 1980-х годов, а с другой — практического создания нового хозяйственно-экономического устройства общества, становления российского бизнеса, политических структур, отличных от прежних, социалистических. Материалы данного исследования позволяют проанализировать, какие группы населения в большей или меньшей мере смогли воспользоваться преимуществами и недостатками этих двух различных этапов трансформационного процесса. В конечном счете, такой анализ покажет, какова история развития различных социальных слоев нынешнего общества.

Возможности использования данных о самооценках общественного статуса для анализа социальной динамики общества уже не раз обсуждались в научной литературе**, и этот инструментарий является общепризнанным. Возражения может вызвать попытка "объективного" анализа воспоминаний респондентов 10-летней, а тем более 20-летней давности, которые, безусловно, отражают не только (или, может быть, даже не столько) ситуацию прошлых лет, но и сегодняшнее их положение. Кроме того, для

* Вопрос формулировался так: "Одни люди полагают, что они занимают высокое общественное положение, другие — что низкое. Вообразите себе лестницу из семи ступенек, каждая из которых соответствует определенной социальной позиции. Первая ступенька соответствует самой нижней позиции, а седьмая — самой верхней. На какую ступеньку Вы бы поставили свою семью..?"

** См., например: *Левада Ю.* "Средний человек": Фикция или реальность? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1998. № 2.